

Олег Губарь, Ирина Хургина

«Маленький Париж», или Одесский контекст

Первая серия

На заставку идут одесские «фишки» вперемешку с анимированными 12-ю стульями. Стулья совершают всякие пируэты, выстраиваются в шеренгу, на них в ряд высаживаются разные мультипликационные силуэты – белый контур на черном поле. Обивка стульев лопается, оттуда выскакивают пружины, как бы выталкивая одесские знаковые сюжеты – памятник Дюку, Потемкинская лестница, оперный театр, Дума, пушка, Лаокоон, Привоз, Староконный рынок на Молдаванке, дворик с галереями, дом с атлантами, порт, маяк, «Гамбринус».

На экране возникает картина, знакомая нам по хрестоматийным американским вестернам. Степь. Пустошь. Дикое поле. По степи тащатся обозы, понурые лошади с не менее понурыми седоками, кто-то, волоча свой нехитрый скарб, ковыляет в отдалении. Физиономии первопоселенцев являют собой достойное и весьма многоплановое зрелище. Здесь собраны все типажи, коими была столь богата Россия конца XVIII века – и беглые крепостные, и бандиты с большой дороги, и ремесленники, и отставные офицеры, и беглые солдаты, и маркизантки, и обедневшие дворяне. Это те, кто решил попытаться счастья и начать жизнь заново – на южной окраине империи, в неведомом доселе месте.

На экране уже разворачиваются батальные сцены – в ход идут пистолеты, ружья, которые долго и нудно перезаряжают, шпаги, ножи. Среди этих физиономий возникает выхваченный ка-

мерой лик Ведущего, который здесь сродни остальному сброду. Он как бы принимает участие в этом действе.

Затем он меняет облик; на фоне чудовищного безобразия появляется его фигура. На этот раз Ведущий одет как истинный денди конца XVIII – начала XIX века. Опершись на трость, лихо подкрутив ус и указав рукой на то, что происходит у него за спиной, Ведущий говорит:

СТЕНДАП. Если вы думаете, что это покорение Дикого Запада, то, как говорят в Одессе, вы таки да правы. Именно так осуществлялось в самом конце XVIII века освоение земель Северного Причерноморья. В 1794 году это великое переселение народов переросло просто в эпидемию – тогда в захолустном месте, где раньше располагалась турецкая крепость Хаджибей, стали бесплатно раздавать земли под застройку. И именно тогда императрица Екатерина II издала указ об основании Одессы. С этого все и началось.

ЗАКАДР. Существуют привычные и растиражированные представления об Одессе, знакомые каждому с детства. (Идут кадры из «Броненосца «Потемкина» с лестницей и коляской, кадры с Петей и Гавриком из «Белеет парус...», кадры празднования Юморины, Марк Бернес поет «Шаланды, полные кефали...».)

СТЕНДАП. (Около акаций на бульваре с видом на море.) Все это правда. Но не вся... Как в том старом анекдоте, где портретист, раздосадованный претензиями немолодой отцветшей красавицы, восклицает: «Так вы все-таки хотите быть красивой или похжей?!».

Поэтому я и приглашаю вас на поиски разгадки тайны Одессы. «Да, что-то есть в этой нервной почве, рождающей музыкантов, шахматистов, художников, певцов, жуликов и бандитов, так ярко живущих по обе стороны среднего образования!» Так сказал о своем родном городе Жванецкий.

ЗАКАДР. (Камера выхватывает «кусочки» города, дома, береговую линию со стороны моря.) Так что же на самом деле есть в этой нервной почве? Как так получилось, что за какие-то несколько лет на отшибе Российской империи возник цветущий город европейского масштаба? То, что обычно складывалось столетиями, здесь спрессовалось в считанные годы. Что заставило Леонида Утесова воскликнуть: «Одесса – лучший город в мире!»?

СТЕНДАП. (Под цветущей акацией.) Портретируя Одессу, мы пройдем вместе по самым удивительным, занимательным и аппетитным эпизодам одесской жизни за прошедшие 210 лет. Единственное, чем не смогу поделиться с вами, так это неповторимым одесским весенним ароматом. Хотя, может, Куприн поможет? «Какая-то щекочущая радость заключена в этом пряном благоухании, заставляющем раздуваться ноздри и губы улыбаться. Так пахнет белая акация».

ЗАКАДР. Охота за разгадкой тайны Одессы на самом деле, по жанру, то же дело, которым с таким тщанием и оголтелостью занимались Остап Бендер и Киса Воробьянинов. Что ж, в поисках истинных бриллиантов приступим к осмотру содержимого 12 стульев из гостиного гарнитура мадам Петуховой.

(Мультипликация – вспарывание обшивки стульев, пух, перья, пружины. Появляется голова Ведущего. Почтительно приподняв цилиндр, он произносит: «Итак, лед тронулся, господа присяжные заседатели!».)

На экране – Бронзовый стул в Одесском горсаду. Деловой походкой к нему приближается и усаживается костюмированный Де Рибас. Гордо и независимо смотрит в камеру с видом «чего вам, товарищ?». С разных сторон к нему подходят приодетые к случаю Де Волан, Ришелье, Ланжерон, Кобле. Они встают, как на старинной литографии, постепенно переходящей в фотографию. Начинают говорить между собой по-французски.

ЗАКАДР. (По ходу дела камера выхватывает сохранившиеся фрагменты памятника Екатерине II: бюст, скульптуры Де Рибаса, Де Волана и др.)

Вообще, это довольно темная история – существовал ли действительно указ Екатерины об основании Одессы. Во всяком случае, появление Одессы – результат головокружительной авантюры, в которой приняли участие, как сказали бы сейчас, «представители Евросоюза»: испанец, адмирал Иосиф Де Рибас; голландский военный инженер Франц Де Волан; французы, герцог Арман Де Ришелье и граф Луи Де Ланжерон; шотландец, офицер Томас Кобле.

(Старинная литография-фотография постепенно преобразуется в тантамареску. На мгновение на экране появляется зна-

менитая одесская пушка, которая выстреливает стулом из гарнитура мастера Гамбса с № 1... И тут же в тантамареске на месте головы Де Рибаса возникает дырка, а сам он, отряхивая камзол, выходит из-за фотографии и обращается к зрителям.)

ДЕ РИБАС. СХХР. Адмирал Иосиф де Рибас не только принудил к капитуляции Измаил и взял штурмом турецкую крепость Хаджибей. Этот человек, что особенно приятно одесситам, использовал в весьма меркантильных целях свои, как смеют утверждать, вполне сентиментальные отношения со всесильной императрицей Екатериной. Де Рибас служил в Неаполитанской армии, откуда по протекции фаворита Екатерины графа Орлова перешел в русский флот. Это был истинный искатель приключений, эдакий «техасский рейнджер», картежник и вертопрах. Сам Байрон воспел непобедимого адмирала в своем «Дон-Жуане», говоря о штурме Измаила:

Де Рибас, морской герой,
настаивал на штурме, но ему-то
все возражали; спор кипел большой...
...Тем временем секретного курьера
Светлейшему отправил Де Рибас;
Тот рассмотрел предложенные меры
И подписал желаемый приказ.

ЗАКАДР. (Кадры с романтической иронической «подливой»: Жаном Рено в доспехах; бал у императрицы Екатерины; различные греческие амфоры; страницы французской энциклопедии.)

Основание Одессы было осуществлением романтических юношеских мечтаний Де Рибаса – о рыцарских подвигах и о Даме сердца. Этой Дамой стала для него Одесса. И на балу в Санкт-Петербурге Де Рибас, этот «одесский гасконец», добился у Екатерины, как указывают мемуаристы, устного распоряжения, – официального указа по этому поводу так и не обнаружено. Там же он сообщил императрице, что при закладке зданий города находят древнегреческие сосуды и остатки построек, поскольку рядом располагался древний город Одесс. Екатерине пришлось по вкусу это название, только в женском роде. Таким образом,

на карте мира появилась Одесса, город, который благодаря невероятному стечению обстоятельств, благодаря остроумию и дальновидности своих отцов-основателей уже через несколько лет значился во всех мировых энциклопедиях, – о нем знала не только Европа, но и ходили легенды по ту сторону океана.

(Из тантамарески тем же манером появляется интеллеktуал и педант Де Волан.)

ДЕ ВОЛАН. СНХР. Ближайший сподвижник Де Рибаса, голландский военный инженер Франц Де Волан взялся за проектирование и строительство Одессы. Вообще, сама возможность осуществления этой фантастической идеи казалась им дерзким сном. Где-то на отшибе, на южной окраине империи, вдалеке от российской «казармы» эти безумные европейцы, находящиеся на российской военной службе, строили свободный город, Город Солнца. Эта ситуация очень напоминала ту, что сложилась в романтическую эпоху «Дикого Запада» на Американском континенте. Люди, пришедшие сюда, сталкивались с теми же трудностями, что и их заокеанские братья, – засуха, отсутствие пресной воды, топлива и строительных материалов, постоянная военная угроза, смертоносные инфекции. Все это разбивалось о то, что зовется жизнестойкостью покорителей новых земель, тех, кого именуют «волевой накипью народов».

ЗАКАДР. (С панорамой Одессы сверху, в плане.) Франц Де Волан строил Одессу по разработанному им генеральному плану. План этот был превосходен, поскольку гениально прост. Это были прямые, четко параллельные и перпендикулярные друг другу улицы, направление которых выбиралось в соответствии с глубокими естественными балками.

Таким образом, эти балки становились спусками с высокого берега в порт, и все улицы в конце концов приводили к морю. Проще говоря, Одесса уселась на это плато и свесила ноги в Черное море!

(Возникает пушка, которая выстреливает гамбсовским стулом под № 2.)

ЗАКАДР. (Несколько видов порта; старинные литографии с теми же видами; утомленный жизнью и солнцем вол тащит нечто, напоминающее плуг, делающее глубокую кривую борозду; литографии с домом Волконского; портрет Волконского при па-

раде; камера выхватывает дома с табличками «Дерибасовская», затем «Ланжероновская» и «Ришельевская».)

2 сентября 1794 года были забиты первые причальные сваи в порту, проведена символическая борозда на городской земле. И, как свидетельствуют проведенные в 1995 году раскопки, день этот сопровождался ритуалом основания города. На пересечении будущих улиц Ланжероновской и Ришельевской состоялась закладка самого первого одесского жилого дома, который принадлежал главному военному начальнику региона князю Волконскому, отцу знаменитого декабриста.

СТЕНДАП. (На пустыре Де Рибас, Де Волан и Волконский опорожняют бокалы с вином, разбивают их оземь и закладывают под будущий фундамент дома. Крадучись, к ним приближается Ведущий, который на «пионерском расстоянии», стараясь не мешать, все же откровенно любопытствует и пытается объяснить зрителю, что к чему.)

Де Рибас, Де Волан и Волконский распили праздничную бутылку вина, а затем разбили о закладные камни эту бутылку, а также дорогие, изящной работы хрустальные кубки на высоких ножках. Первый одесский дом простоял три четверти века. Чего и кого он только ни повидал... В его стенах бывали Александр I и Николай I, Ришелье и Ланжерон, Пушкин и Воронцов, Вяземский и Раевский. Наверху собирались бильярдисты, а в цокольном этаже – картежники, поощряемые к азартным играм... городовым полицмейстером Шостаком, большим любителем «пестрого фараона». Случалось, заезжие гастролеры-шулера за вечер брали здесь состояние. Нашелся «артист», рискнувший облапошить самого полицмейстера, но тот быстро вычислил наглеца, какового по традиции изрядно отметелили канделябрами.

ЗАКАДР. (В скверике около оперного театра «лайв» с «группой четырех».) Фрагменты ритуальных сосудов, хрустального подноса, бутылки и даже пробки были обнаружены археологами в закладной траншее. Здесь же оказалась и монета с вензелем императрицы, по традиции заложенная под угол здания. В обряде этом присутствуют элементы масонства; тогда-то оно еще не было под запретом, и многие вельможи и офицеры состояли в масонских ложах.

Почти десять лет минуло, с тех пор как компания одержимых одесситов под предводительством профессора археологии Андрея Добролюбского и краеведа Олега Губаря начали здесь раскопки. И они таки нашли и подтвердили свою сенсационную догадку! Отсюда пошла Одесса!

АНДРЕЙ ДОБРОЛЮБСКИЙ. СНХР.

ВЛАДИМИР НОСЫРЕВ. СНХР.

СЕРГЕЙ МАЕВСКИЙ. СНХР.

ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР.

(Синхроны перемежаются хроникой раскопок 1995 г.)

(Из пушки вылетает вещь типа табуретки с надписью «Приставной стул».)

ЗАКАДР. (Пыльные улочки, двухэтажные неказистые домишки. Затем возникнет зимнее поле, обоз в сопровождении конных офицеров. По ходу дела появятся два варианта памятника Апельсину в Одессе – скульпторов Князика и Токарева.)

С момента основания Одессы прошло чуть больше пяти лет. При таинственных обстоятельствах в расцвете лет погибает отозванный в Петербург Де Рибас, умирает Екатерина II. Юная Одесса, как и все екатерининские проекты при Павле, практически брошена на произвол судьбы. Нет обещанных инвестиций, не продвигается строительство. Но тихая и безвременная кончина не в характере этого города.

Именитые купцы, посовещавшись, принимают решение: отправить в Петербург в подарок императору Павлу обоз с тремя тысячами померанцев, как говорили тогда. А попросту – дать ему взятку диковинными по тем временам апельсинами. Была зима, одесские негоцианты умели хранить фрукты. Укутав хорошенько свое драгоценное подношение, они отправляют в Петербург обоз в сопровождении греческого офицера Роксомати. И что же? Не в первый и не в последний раз в России испытанный механизм сработал! Павел обратил благосклонный взгляд в сторону далекой южной окраины, и денежный поток устремился к берегам Черного моря. А с 1803 года начался «золотой век» Одессы, когда ее градоначальником был назначен герцог Арман Де Ришелье, оказавшийся, как и многие французские аристократы, на русской службе в годы Французской революции.

(Пушка выстреливает стулом с цифрой 3.)

СТЕНДАП. (Идя по Екатерининской; Дюк, бульвар, море, порт в перспективе. Из кармана камзола достает и показывает на ладони маленькую фигурку Дюка.) Герцог де Ришелье – «домашний» герцог одесситов, которого они запросто и любовно именуют Дюк. Никто не сделал для Одессы столько, сколько Ришелье за одиннадцать лет своего губернаторства. Он был близок к Александру I и мог получить любое престижное назначение, но сам выбрал «занюханную» Одессу. Он просто прорубил окно в Европу с юга. Ришелье был удивительным человеком, соединявшим в себе редкие для высокопоставленного чиновника качества – гуманность и культурность. Основной лозунг Дюка: «Не будем слишком регулировать». Его рабочий день продолжался 17 часов, всю деловую переписку на разных языках он вел сам и за свой счет содержал канцелярию. Дюк отдал все свои деньги на создание в Одессе лицея, второго в России после Царскосельского, который стал впоследствии знаменитым Ришельевским лицеем.

ЗАКАДР. (Портреты Ришелье, старинные литографии, в том числе, с лавками, базарами, кадры Привоза.) Герцог Де Ришелье подарил Одессе славу ведущего мирового хлебного экспортера, превратил степной городишко в цветущий средиземноморский мегаполис. Это он помог обустроиться в Одессе колонистам-аграриям из Германии, Франции, Швейцарии. И именно благодаря ему мы теперь, приходя на Привоз, можем отведать вкуснейшую домашнюю колбаску, кровянку, копченое мясо, брынзочку, равных которым вы не встретите ни в одном супермаркете мира. Потому что это все настоящее, как говорят в Одессе, «базарное». Дюк, в отличие от своих предшественников, не был авантюристом. Но он был мудрым монархистом. Он поддерживал все, что льет воду на мельницу государственной машины. Он не выдумал порто-франко – он просто «подобрал» его в беседах с местными коммерсантами и придал этому надлежащую форму, воплощенную в жизнь его преемником, Ланжероном. В течение 40 лет эпохи порто-франко, иными словами, «свободного порта», Одесса была самым дешевым городом в империи.

СТЕНДАП. (В Дюковском саду среди райских куш. В отдалении, как бы пунктиром, проходит юная «пейзанка» со снопом.) Ришелье

был очень озабочен озеленением города и специально выписывал саженцы из Европы, трогательно следил буквально за каждым деревом. На своей даче, которая теперь носит название Дюковский сад, разводил разнообразные деревья, кустарники, цветы. Однажды чуть свет он повстречал там прелестную «пейзанку», которая «уже успела нажать значительную кучу клевера». Градоначальник умилился настолько, что одарил трудолюбивую красотку серебряным рублем. На что управляющий его хутором в сердцах заметил: «Я все лето стараюсь изловить эту мерзавку, которая каждую ночь что-нибудь тащит с поля, а вы ей за это приплачиваете!».

(На экране снова возникает тантамареска. Из-за нее выходит Ришелье, облаченный в тогу и со свитком в руке. Подходит к стулу и примашивается на уголочке.)

ДЕ РИШЕЛЬЕ. СНР. Приехав в Одессу, герцог Ришелье не нашел и полудюжины стульев для своего дома, ему пришлось выписать их из Херсона. Он сразу пригласил в Одессу столяров, французского булочника, оптиков и часовщиков из Германии, для одесских дам француз Пишон открыл фабрику пудры, швейцарец Тардан наладил виноделие, – история знаменитых одесских шабских вин началась еще тогда. Он поддерживал любое начинание, которое могло быть полезным торговому городу, – создание коммерческих банков, страховых обществ, морских транспортных контор. Конечно, Дюк был истинным французским аристократом. Поэтому он не сразу смог освоиться с некоторыми местными привычками. Приехав в Одессу, он собрал у себя представителей магистрата, купцов, именитых людей. И как человек пунктуальный выставил на стол часы. Через некоторое время погасла свеча, а когда ее снова зажгли, часов на столе не оказалось. Ришелье как воспитанный человек сказал: «Я думаю, кто-то пошутил или совершил ошибку. Сейчас мы снова погасим свечу, и я думаю, часы окажутся на прежнем месте». Свечу погасили. Но часы не появились. Более того, невозможно было зажечь свечу, потому что украли еще и серебряный канделябр.

СТЕНДАП. (У памятника Дюку; осмотр со всех сторон.) Да, характер города выковывался в непростых условиях. И именно поэтому первым памятником в Одессе стал памятник Дюку. Соору-

жен он был при губернаторстве графа Воронцова и, как всякое любимое детище, оброс разными легендами и анекдотами. Общественность всегда интересовал сакраментальный вопрос о том, что же конкретно наблюдается «у Дюка с люка». (Демонстрируется соответствующий ракурс.) Но что более всего занимало умы, так это: почему пускай и французский аристократ, но вполне цивилизованный человек вдруг бродит по городу в одежде городского сумасшедшего? Лев Славин и вовсе утверждал, что герцог Ришелье «стоит на бульваре в нижнем белье древнеримского образца». Существует мнение, что граф Воронцов просто ревновал к славе своего предшественника. Вот и вырядил его эдаким франтом.

ЗАКАДР. (Панорама дворика Литмузея, место ночлежки.) Пытливые одесситы все-таки не могут оставить эту загадку неразрешенной. Дворик Одесского литературного музея знаменит не только тем, что здесь находилась та самая ночлежка, столь романтически воспетая главным «орнитологом» революции, буревестником Максимом Горьким в пьесе «На дне». Именно здесь располагается единственная в своем роде экспозиция современной иронической скульптуры, и каждый год 1 апреля, на Юморино, благодаря создателю этого сада скульптур Леониду Липтуге во дворике Литмузея появляется новый памятник. Началось все почти десять лет назад, когда Резо Габриадзе открыл здесь памятник герою одесских анекдотов Рабиновичу. В этом году Леонид Липтуга и Олег Губарь презентовали Джинсового Дюка под лозунгом «Торжественное закрытие Америки».

ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР.

ЛЕОНИД ЛИПТУГА. СНХР.

(Синхроны перемежаются съемками с открытия памятника Джинсовому Дюку.)

(Из пушки выскакивает стул № 4.)

ЗАКАДР. (На экране – памятник Воронцову, виды города, каким он был при нем; пушкинские профили на страницах рукописей.)

Если исключить дворик Литмузея, в Одессе вообще очень мало памятников. Одесса очень избирательна. Она сама по себе памятник, так считают одесситы. В городе, который называли Южной Пальмирой, до 1863 года был только один монумент,

не считая кладбищенских. Вторым стал памятник графу Воронцову, который более чем за двадцать лет правления Одессой успел реализовать все то, что было заложено его европейскими предшественниками. Он попросту был на своем месте. Раненный под Бородино и воспетый Жуковским «храбрый Воронцов». Много ли мы о нем знаем?.. Вся его многолетняя самоотверженная деятельность на благо молодого удивительного города, мягко говоря, пошла коту под хвост из-за одной-единственной ядовитой пушкинской эпитафии. Что до Пушкина, так он был для генерал-губернатора просто-напросто пятым колесом в телеге, приписанным к его парадии диссидентом, компрометирующим фактором, от которого он, подобно партийному секретарю областного масштаба, стремился вполне гуманно и легально избавиться. Только и всего. Как написал знаменитый одесский поэт Юрий Михайлик:

Есть в городе моем среди диковин
одна, которой я обеспокоен:
в Одессе конных памятников нет.
...Незанятое лошадыми пространство –
места, где бродят тени вольтерьянства...

СТЕНДАП. (Около арки Ланжерона.) Вообще, до эпохи исторического материализма, как говаривал незабвенный Остап Бендер, Одесса была везучим городом. У нее были очень хорошие правители, и притом большие оригиналы. Например, граф Ланжерон славился своей выдающейся рассеянностью. Когда Александр I впервые посетил Одессу, он остановился у Ланжерона, а тот по хронической забывчивости запер его на ключ, отправившись утром на службу. Таким образом, бедный император просидел под домашним арестом чуть ли не весь день. Такие истории гораздо больше ласкают слух общественности, нежели эпизоды блестящей военной биографии графа Ланжерона, участника войны за независимость Соединенных Штатов.

ЗАКАДР. (По ходу камера движется вдоль улиц Ланжероновской и Коблевской, на экране – таблички с названиями, Строгановский мост, литография с соответствующей надписью, портреты Ланжерона, Кобле, Строганова, Зонтага.)

Американец Георг Зонтаг, начальник Одесского порта, по сути, был «джентльменом удачи» – близкий друг известного англомана и одесского генерал-губернатора графа Воронцова, он во время англо-американской войны был подлинным капером и топил английские суда. Живя в Одессе, Зонтаг женился на племяннице Василия Андреевича Жуковского и собрал единственную в городе библиотеку американской литературы. Когда вошедшее в одесскую гавань судно «Успех» село на мель, и «консилиум» специалистов не дал никакого результата, Зонтаг лично встал к штурвалу и, уложив судно на бок, стащил его с мели и привел к причалу. «Да, были люди в наше время...» Как принято говорить, таких уже не делают. Например, военный комендант Одессы шотландец Томас Кобле влюбился с первого взгляда в молодую казачку. Не владея «великим и могучим», Кобле все же сумел найти общий язык с предметом своей страсти. Он попросту украл невесту, посадил ее впереди себя на коня и скакал до первой попавшейся церкви, где они и обвенчались.

(Из пушки влетает стул № 5.)

СТЕНДАП. (В кафе «Фанкони».) Как парадоксально сочетаются в одесском характере энергичность и авантюризм, напористость и авантажность, смелость и нахальство. Возьмем того же графа Строганова, одесского генерал-губернатора. Этот хам-аристократ, проживший в Одессе четыре десятилетия, являл собой то, что классики марксизма назвали бы «единством и борьбой противоположностей». Через Одессу, напрямик из Лондона, ввозили в Россию «Колокол» Герцена, а Строганов делал вид, что этого не замечает, и более того, втайне собрал полную подшивку запрещенного журнала, которая теперь хранится в Научной библиотеке Одесского госуниверситета, к созданию которого он, кстати, тоже приложил руку. Но в историю он вошел вовсе не потому. А из-за своего поистине исключительного самодурства. Это ведь он, Строганов, как-то потребовал, чтобы повара приготовили ему расчлененный ростбиф, и по этому недоразумению в кулинарии объявилось невиданное до той поры блюдо – бефстроганов. Потакая кулинарной фантазии высокородного сумасброда, одесские элитарные кафе-рестораны издавна научились готовить феноменальный бефстроганов. Лучше всего это блюдо

получалось в знаменитом кафе Робинà, каковая традиция на долгие годы сохранилась в наследовавшем этому заведению советском ресторане «Украина».

ЗАКАДР. (Портреты Строганова, Ческини, виды немощных одесских улиц на литографиях; затем «американские горки» наших дней, мощные старые улицы; каменные цистерны во дворах, современные одесситы, отягощенные ведрами, канистрами, бутылками, осаждают гидрогеологические бюветы.) Строганов был влюблен в некую графиню Ческини, светскую красавицу, жену итальянского консула. В Одессе той поры мощение улиц, мягко говоря, оставляло желать лучшего, и как-то раз графиня Ческини прилюдно высказала свое недовольство: мол, ночью, когда возвращаешься с какого-нибудь журфикса, обязательно попадешь в непролазную грязь. Строптивный губернатор тут же парировал: «Порядочные дамы по ночам сидят дома!». С тех пор минуло полтора столетия, но проблема дорог, вернее, их отсутствия, в Южной Пальмире стойко охраняется государством. Единственные дороги, по которым можно перемещаться, не чувствуя себя коктейлем в шейкере, это те булыжные и лавовые мостовые, что были уложены еще в конце позапрошлого столетия. Лавовые плиты завозились в Одессу предприимчивыми итальянскими негоциантами в качестве балласта судов и наряду с одесским ракушечником, добываемым в катакомбах, стали одним из основных строительных материалов. Не лучше во все времена, включая нынешние, обстояло и дело с водой. Когда-то в одесских дворах устраивались цистерны, куда собирали мягкую дождевую воду, чтобы было чем помыться. Сегодня город наводнился бюветами, где горожане бесплатно зачерпывают подземные воды. И эти обстоятельства некоторым образом отличают овеществление американской мечты от мечты одесской. Хотя и не только они...

СТЕНДАП. (На Дерибасовской, со старинной книгой в руках.) Такой наблюдательный писатель, как Марк Твен, не мог обойти вниманием столь любопытный факт. В 1867 году он писал: «Я давно не чувствовал себя так дома, как в Одессе. Она имеет вид совершенно американского города; прекрасные широкие прямые улицы; низкие дома (в два или три этажа), просторные, чистые, свободные от всяких архитектурных украшений; горохо-

вые деревья (их называют здесь акацией) окаймляют тротуары; улицы и магазины имеют суетливый и деловитый вид... Тут ничего не напоминало нам, что мы в России. Но когда мы, пройдя немного дальше по улице, увидели странной архитектуры церковь, а потом извозчика в какой-то длинной юбке – иллюзия исчезла!». Смещение всего и вся – такой была Одесса середины XIX века. Польский романист Юзеф Крашевский утверждал, что многоязыкий гомон на одесских улицах «подобен разговорам у подножия башни Вавилонской». Ну что, попробуем? (Вступает в беседу с тетечкой, торгующей на углу цветами, с дядечкой, который взвешивает проходящий люд, в общем, общается с народом.) Да, это уже потомки тех, кого живописал побывавший в Одессе «польский Вальтер Скотт».

ЗАКАДР. (Возникают кадры красочной разноплеменной костюмированной толпы; затем камера выхватывает какие-то городские «кусочки» – дворики, входы во дворы, общающихся горожан, двор Заменгофа с его мраморной головой.) «Здесь можно увидеть представителей всяких народов, начиная от неопрятного турка до итальянца с длинными черными волосами, грека в пунцовой феске, караима, в татарском своем наряде прохаживающегося по улице, и до европейца, которому скроили платье наимоднейшие портные в Одессе... Тут видишь русского с длинной темной бородой и в сарафане допетровских времен, далее – грека албанского в белой юбке...»

Еще задолго до того, как Одессу возвели в ранг «маленького Парижа», она говорила не столько по-французски, сколько по-итальянски. Язык Петрарки и Данте в то время служил утилитарному общению коммерческих людей всего Средиземноморья. Но постепенно Одесса заговорила по-иному. Вобрав самые сочные, звучные, вкусные слова дюжины языков, она внедрила их в русский, руководствуясь собственными представлениями о грамматических нормах, и создала эдакий винегрет – неповторимый одесский язык. Как писал Влас Дорошевич: «Одесский язык, начиненный языками всего мира, приготовленный по-гречески, с польским соусом». И может быть, поэтому именно в Одессе родился изобретатель языка эсперанто Заменгоф.

М. ЖВАНЕЦКИЙ. СНХР. (Об одесском языке и способе мышления.)

(Из пушки выскакивает стул № 6.)

СТЕНДАП. (С балкона дома, где раньше был дом с отелем Рено.)
В начале своей жизни Одесса была и, как ни странно, остается
и сейчас типичным средиземноморским городом – меркантиль-
ным, пряным, этнически пестрым. Такой увидел и бескорыстно
полюбил ее Пушкин:

...Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

А кто же будет этот самый «корсар в отставке»? В мемуарах
близкого друга Пушкина можно отыскать один прелюбопытный
эпизод. Зайдя как-то в отель Рено, он застал Пушкина сидящим
на коленях у Морали. При этом они довольно хихикали и щекота-
ли друг друга. Пушкин говорил об этом мавре-великане: «У меня
лежит к нему душа. Кто знает, может быть, наши предки были
близкой родней?».

ЗАКАДР. (На фоне изобразительной одесской пушкинианы.
Рисунки Пушкина одесской поры, живопись, портрет Морали;
экспозиция Одесского музея А.С. Пушкина.)

Любимец Пушкина, Морали, идеально вписывался в одесский
контекст, аккумулируя в себе характерные черты, присущие
юному городу, – прежде всего, экзотичность и здоровый авантю-
ризм. Как говорят, он был благородным пиратом, наподобие ге-
роев Рафаэля Сабатини, и даже помогал греческим инсургентам
в их борьбе за освобождение от османского владычества. Пиратст-
во и каперство на Черном и Средиземном морях процветало тогда
точно так же, как в Карибском море во времена Фрэнсиса Дрейка.
Некоторым одесским судовладельцам волей-неволей приходи-
лось по совместительству исполнять обязанности контрабан-
дистов и морских разбойников, хотя бы в порядке самообороны.
Однако смежная эта специальность не повредила отношениям

Пушкина и Морали, который, судя по всему, предлагал поэту планы бегства из России, когда было получено предписание спроводить Александра Сергеевича в Псковскую губернию под надзор родителей и полиции.

СТЕНДАП. (На Ришельевской улице.) Пушкин, как и многие его собратья по перу, совершенно замечательно проводил время в Одессе. Даже когда его по службе отправили на борьбу с саранчой, он все это время прокутил в ближайшем имении, а вернувшись, как теперь бы сказали, из командировки, написал вместо отчета: «Саранча летела, села, все съела и опять улетела». Живя в отеле Рено, он часто ездил с дамами на дачу барона Рено, которая располагалась на теперешнем Французском бульваре, и одесские извозчики нередко возили его в долг. Барон Жан Рено был одним из ближайших сподвижников Ришелье.

ЗАКАДР. (Французский бульвар, особняк Рено; фамильные портреты семьи Рено.) Особняк баронов Рено, откуда в 1920 году его потомки были вынуждены бежать в Константинополь, как ни странно, сохранился. До сих пор баронесса Елена Швахгейм-Рено, праправнучка знаменитого пушкинского знакомого, помнит виденные в глубоком детстве страшные картины тех «окаянных дней». Больше 80 лет она прожила за границей, в основном в Соединенных Штатах. Год назад Елена Сергеевна вернулась в Одессу и поселилась в маленьком домике, который снимает на 11 станции Большого Фонтана, в легендарном одесском дачном месте.

ЕЛЕНА ШВАХГЕЙМ-РЕНО. СНХР.

ЗАКАДР. (Жанровые литографии, «обмен валют», затем здание Биржи (филармонии).) Барон Жан Рено, деловой человек и меценат, устроил первую в Одессе огромную залу для балов и собраний. Здесь собиралась биржа, которая сначала состояла из менял, восседающих за столиками возле казино. В юном городе был острый дефицит разменной монеты – здесь менялы и приходили на выручку горожанам, принимая у разношерстной и разноплеменной толпы франки и фунты, лиры и пиастры, выдавая взамен российские рубли. В общем, настоящий прообраз наших обменников. Они, собственно, и начинали в Одессе банковское дело, обросшее затем знаменитыми на весь мир банкирскими домами Ашкенази, Рафаловичей, Ротшильдов. Настоящая биржа в Одессе открылась

еще в 1796 году, даже раньше нью-йоркской! Новое же здание одесской биржи, построенное в мавританском стиле, было специально спроектировано акустически так, чтобы тушить звук, – биржевые маклеры, ведущие секретные разговоры, не слышали бесед коллег в двух шагах от себя. Теперь здесь располагается Одесская филармония... Слушайте сюда, как говорят в Одессе!

СТЕНДАП. (Сначала в оперном театре, в зале, в фойе.) Акустика филармонии и акустика Одесского оперного театра – это, как сказали бы одесситы, две большие разницы. Торговая элита юной Одессы – выходцы из Италии, Франции, Греции – строили город, что называется, «под себя», а это предполагало наличие не только биржи, коммерческого суда и кофеен, но и, конечно, оперы. Первое здание оперы, где, выражаясь сегодняшним языком, бывали все «звезды» одесской истории начала XIX века, все наши герои, сгорело в ночь на 2 января 1873 года, и лишь 15 лет спустя была отстроена новая, знаменитая на весь мир, прекрасная и совершенная в своей эклектичности «бонбоньерка» одесской оперы.

Что же сейчас? Уж который год здание на реставрации, и по городу ходят страшные слухи о том, что опера вместе с Приморским бульваром, бронзовым Дюком и Потемкинской лестницей элегантно сползает в море. Слухи эти сильно преувеличены, но одновременно оправданны, поскольку одесситы безумно любят свой оперный театр, трогательно заботятся о его судьбе, это для них что-то очень домашнее и родное, без чего нельзя, – наподобие Дюка, Большого Фонтана или Привоза.

(Выходит из оперы, садится на извозчика.) Вообще, музыка в жизни Одессы играет абсолютно особую роль, и об этом мы еще обязательно поговорим. Но все начиналось именно с оперы, которая в быту такого типично средиземноморского города, как Одесса, стала просто незаменимым средством коммуникации. И поэтому даже темпераментные одесские извозчики назубок знали кантилены Россини и Чимарозы и по ходу поездки развлекали своих седоков ариями из популярных опер!

(Уезжает на извозчике, они вместе поют арию Фигаро.)

Конец первой серии

Вторая серия

На заставку идут те же одесские «фишки», кувыркающиеся стулья, пружины, пух, перья, мультипликационные силуэты, в общем, тот же «компот», что и в начале Первой серии. Затем на экране возникает экипаж, который умчал Ведущего «в даль светлую» в конце Первой серии. Они возвращаются, но в режиме «обратной съемки». На бешеных скоростях пролетают мимо оперного театра и резко притормаживают у бульвара, около памятника Пушкину. Ведущий выскакивает из коляски, дружески похлопывает извозчика по плечу и оборачивается к зрителю. Теперь он одет иначе – это костюм франта начала XX века. Он в поло-сатых брюках, сюртуке, штиблетах; жилет с цепочкой от часов туго обтягивает животик; на голове – канотье, под мышкой – легкая тросточка. Он одергивает жилетку, приглаживает усы и с достоинством дефилирует мимо памятника Пушкину к пушке, напевая себе под нос арию Фигаро, которую «не допел» в конце Первой серии. Обрывает себя на полуслове и, словно продолжая начатый разговор, указав рукой с тросточкой на то, что видно вокруг – море, классическая аллея бульвара, колоннада мэрии, особняки, – несколько ворчливо произносит:

СТЕНДАП. Одесса, этот «маленький Париж», всегда вызывала раздражение имперской власти своим космополитизмом. И к тому были весьма серьезные основания. Как говорят в Одессе, «что мы имеем на этой интересной картинке?». Это знаменитая пушка, около которой обязательно отмечают все одесские молодожены. А почему? Потому что существует поверье, будто пушка непременно выстрелит, если к ней прикоснется целомудренная девушка. Юные создания все ходят, а пушка-то все молчит... А какого происхождения этот знаменитый одесский символ? Мало того, что в самом центре города вместо милого сердцу монумента с кепкой у них тут стоит французский герцог с каким-то подозрительным свитком в руке. У них еще и мерилom добродетели стала пушка, как бы сейчас сказали, «английской национальности»!

(Возникает пушка, которая выстреливает стулом под № 7.)

ЗАКАДР. (Кадры из фильмов, рассказывающих о Крымской войне; английская морская эскадра из старого фильма «Леди Гамильтон»; старые карты Крыма, черноморского побережья,

Одессы; литографии Одессы времен Крымской войны, усатые канониры батареи Щеголева. Памятник Дюку – застрявшее ядро. Пушки палят, ядра летают. Затем – хроника оккупации Одессы; страницы из альбома М. Пойзнера «Одесса: 1941-1944 гг.».)

10 апреля 1854 года. Разгар Крымской войны. Англо-французский союзный флот подошел к Одессе. На самом деле никто не собирался на нее нападать – это был просто отвлекающий маневр перед главной операцией в Крыму. Но темпераментные одесситы панически бросились собирать вещи. Война, кому это надо?! А вся война, собственно говоря, длилась один день.

Объединенному союзному флоту из тридцати новейших судов, по сути, противостоял двадцатилетний прапорщик Щеголев со своей инвалидной командой и четырьмя старыми пушками, лет двадцать прослужившими причальными тумбами в порту. Бомбардировка продолжалась до вечера, ядра сыпались, как горох, – в одном из домов упавшая бомба закрутилась на кровати в простыню и была сохранена потом как реликвия; снаряды попали во дворцы Воронцовых и Нарышкиных. Одно из ядер застряло в памятнике Дюку. Но, в общем, никаких серьезных разрушений в Одессе не было. Как странно все перекрещивается и повторяется в истории. Ровно через девяносто лет, 10 апреля 1944 года Одесса была освобождена от немецкой оккупации. Пройдя через гестапо, румынскую сигуранцу, гетто, жесточайший геноцид и подполье в катакомбах, одесситы выстояли. И снова бомбардировки мало изменили неповторимый облик Одессы.

МИХАИЛ ПОЙЗНЕР. СНХР. (Об оккупации, катакомбах, мифе о «подземной» Одессе, Пете и Гаврике из «Белеет парус одинокий...».)

СТЕНДАП. (На Фонтане, на обрыве, у моря.)

В составе союзного флота, который сто пятьдесят лет тому назад выписывал разные фортели в одесской гавани и так напугал мирных и веселых одесситов, был пароход-фрегат английских гардемарин «Тигр». Совершая очередной маневр в районе Большого Фонтана, как раз напротив дачи городского головы Джеймса Кортацци, по иронии судьбы, известного англомана, фрегат сел на камни. А надо сказать, что на его борту был весь юный цвет британской аристократии, дети всяческих лордов, пэ-

ров и сэров. Туман, в котором заблудился «Тигр», оказался отнюдь не лондонским. Это был настоящий одесский гоголь-моголь, который в наши дни парализует уже воздушные суда. В общем, благодаря во все времена непредсказуемым погодным условиям, эти английские молодцы попали в плен. Их путь в город лежал мимо Крепостного, впоследствии Александровского, сада, где устраивались пасхальные гуляния и где как раз устанавливали столбы для качелей. Решив, что это виселицы, молодые пленники разрыдались и трогательно взмолились о пощаде. А сердобольные одесситы, сдерживая смех, бросились их утешать.

ЗАКАДР. (Кадры с балами, раутами; галантные кавалеры – офицеры церемонно беседуют с дамами; затем сувенирные лавочки, мелкие лотошники на улицах.)

Неповешенные гардемарины очень скоро ощутили, как замечательно находиться в плену в таком свободном экзотическом городе. Одесса уже тогда была начисто лишена предрассудков. Англичан наперебой приглашали во все лучшие и не лучшие дома, сватали за них аппетитных одесских невест, кормили и поили до отвала, как здесь было принято всегда. В Одессе ведь не выходят из-за стола, а отползают в гастроэнтерологических конвульсиях под крики хозяйки: «Ну что вы так мало кушали! Или тут было что кушать!». Гардемарины попросту отказались уезжать из Одессы и возвращаться к своей овсянке, строгим поджарым леди и тонкому английскому юмору. Дело кончилось тем, что их пришлось интернировать как военнопленных. А предприимчивые одесские торговцы еще долго продавали сувениры – портсигары, шкатулки, – сделанные из досок погибшего фрегата «Тигр». Спустя пятьдесят лет, в начале XX века, надумали поднять с затонувшего корабля пушку и установить ее на бульваре «на страх гостям». А почему бы и нет?

(Пушка выстреливает стулом под № 8.)

ЗАКАДР. (Торговые суда в порту; кадры из старых фильмов с военными кораблями на рейде, с расчехленными орудиями – блокада, одним словом; наши негодянты в Европе второй половины XIX века.)

Но одно из следствий Крымской войны оказалось для Одессы подлинно драматическим. Буквально в одночасье она лишилась

короны мирового хлебного экспортера. В течение трех лет были блокированы все проливы, а соответственно, и вывоз зерна. Свято место пусто не бывает. Европа обратила свой взгляд в другую сторону и в очередной раз открыла Америку, которая быстро «обогнала по мясу и молоку» изолированную Одессу. А крупные одесские хлеботорговцы оказались на грани разорения. Впрочем, они не стали дожидаться тихой смерти в своем «вишневом саду», но как люди действия ринулись в Европу – на розыски кредитов и новых, как теперь принято говорить, бизнес-партнеров.

СТЕНДАП. (На Соборной площади; затем пересекает площадь, идет к дому Папудова; останавливается около футбольных фанатов.)

Это Соборная площадь. У нее есть три основные приметы: здесь стоит недавно воссозданный Преображенский собор, здесь в любую погоду и при любой политической ситуации собираются одесские футбольные фанаты – современные «пикейные жилеты» – и здесь стоит дом знаменитого одесского негодянта Константина Папудова. По одесским масштабам строение колоссальное: здесь помещались хлебные амбары, затем – роскошные апартаменты самих Папудовых, а другая часть здания сдавалась в аренду как доходный дом – и именно здесь жила и умерла звезда немого кино Вера Холодная. Интересно, что обо всем этом думают завсегдагаи Соборки? (Подходит к плотной кучке футбольных фанатов и вступает с ними в беседу.)

ЗАКАДР. (Фасад дома Папудова, старые фотографии дома, двери этого дома, портреты Папудова, его жены Ариадны, барона Ротшильда; кадры старого Парижа, Елисейские Поля, особняки, двери с росписями Ватто; хлебные амбары, мельница, зерно золотым ручьем течет сквозь пальцы.)

У Константина Папудова была молодая жена, гречанка Ариадна Севастопуло, слышавшая первой одесской красавицей. С нею вместе он и отправился в Париж. И было это весьма дальновидным поступком. Во-первых, Папудову удалось получить кредиты и восстановить капитал, как утверждают, благодаря красоте и обаянию своей юной жены. Во-вторых, всему этому сопутствовала одна дивная романтическая история с осязательным одесским акцентом. В Париже несравненная мадам Папудова, кроме всего прочего, давала сольские вокальные концерты в светских сало-

нах. И вот тогда ее увидел, услышал и без памяти влюбился молодой, но уже весьма небедный барон Эдуард Ротшильд. В качестве свидетельства неподдельной страсти он преподнес ей в подарок особняк де Саганов на Елисейских Полях, который приобрел по случаю. Случаем была революция, которая может разорить даже французских аристократов. Радует истинно одесская предприимчивость наших героев: подарок был не только с радостью принят, но и частично отправился следом за новой хозяйкой.

СТЕНДАП. (Около дома Папудова.)

Возвращаясь из Парижа в Одессу, Папудовы прихватили с собой девять дверей из особняка Саганов, расписанных Антуаном Ватто и представляющих невероятную ценность. Не французам же их оставлять, в самом деле, они еще какую-нибудь революцию затеют... Спустя годы, когда дочь Папудовых вышла замуж, она решила увезти двери Ватто в качестве приданого с собой в Петербург. Из Южной Пальмиры – в Северную. И установили их в особняке на Каменном острове. В 1910-е годы в Петербург приехали парижские антиквары. За бешеные деньги они выкупили двери Ватто и вернули на «историческую родину». И прямо скажем, очень своевременно. Эти двери с изысканными красочными миниатюрами распахивались перед напудренными париками французских вельмож, затем перед напыщенным одесским купечеством, потом перед высшим светом Петербурга... Кто хлопает ими теперь?

ЗАКАДР. (Кадры маскарадов, балов; камера проезжает по особнякам одесской знати, дому Фальц-Фейнов с атлантами; портрет Маразли, портреты Папудовой, супруги Наполеона III, Сары Бернар; затем аллеи дачи Маразли (санаторий Чкалова), античные статуи.)

Во все времена Одесса умела развлекаться с размахом. На балы и маскарады, которые устраивались в огромном доме Папудовых, приглашалось до 600 человек. Подобные увеселения устраивались и другими представителями местной элиты – графинями Ланжерон, Нарышкиными, семействами Абаза и Исленьевых, бароном Фальц-Фейном, чей дом с атлантами стал одним из символов Одессы, знаменитейшим городским головой Григорием Маразли. Маразли известен не только тем, что на его личные средства в городе построены лечебницы, приюты, библиотеки,

учебные заведения, храмы, музеи. Он обладал тропическим темпераментом и был известным волокитой, о его любовных похождениях ходили легенды. В числе дам его сердца были и Ариадна Папудова, и супруга Наполеона III Евгения-Мария де Монтихо, и Сара Бернар, которая, как говаривали злые языки, состоялась как актриса только благодаря покровительству Маразли. На даче Маразли на Французском бульваре был устроен первый в Одессе регулярный парк с аллеей, где располагалось множество копий античных памятников. Сделаны они были итальянскими мраморщиками, жителями Одессы.

СТЕНДАП. (Около памятника Лаокоону. Сначала на скульптуре, как перед открытием, белое покрывало; затем Ведущий театральным жестом сорвет его, и Лаокоон предстанет перед зрителями во всей нагой красе.)

Как-то раз Маразли прогуливался по «античной» аллее своей дачи с одним из городских чинов и, обращаясь к собеседнику, сказал: «Мы должны не только накормить одесситов, но и одеть». Тот мгновенно нашелся: «Я вижу, вы своих уже приодели», – язвительно произнес он, указав на беломраморные изваяния. (Сдергивает покрывало.) Одним из тех, кого «одел» Маразли, был знаменитый Лаокоон. Под лозунгом всеобщей экспроприации после 1920 года памятники с дачи Маразли растащили, и не совсем одетый Лаокоон застыл аккуратно у дома Папудовых, и лишь спустя много лет перекочевал к Археологическому музею. Стремление городского головы Маразли накормить одесситов было встречено горожанами с пониманием. Одесситы не гурманы, но и не тривиальные обжоры. Они истинные эпикурейцы. Статистика знаменитого рынка «Привоз» свидетельствует о том, что в конце XIX века в Одессе каждая «живая душа» поедала 100 килограммов мяса в год! Это не говоря уже об одесской рыбке – знаменитых бычках, скумбрии, камбале, ставриде, кефали – той, которой «шаланды полные в Одессу Костя приводил»... А колбасы, овощи, фрукты, вертуты, бабки? А великолепные «синенькие», то бишь баклажаны? А форшмак из анчоуса, сардельки и глосиков? А знаменитая фаршированная рыба? А царственные торты наполеон?.. Да, что ни говори, умеют в Одессе радоваться жизни!

(Пушка выстреливает стулом под № 9.)

ЗАКАДР. (Мешанина из упитанных одесских деток и мамаш – старые фотографии, современные съемки на пляже, на улице; персонажи, жующие и уплетающие разную вкуснятину; улочки, ведущие к Старому и Новому базарам; литографии старого Привоза, Привозной площади, здание Фруктового пассажа; камера ловит покупающих и пробующих на Привозе.)

Одесские дети по определению должны быть розовыми, пухлыми, тугими – такими, что не ущипнешь. Худосочный и бледный отрок одесским ребенком не считается – так, несчастье на курьих ножках. Как сказал один испуганный еврейский юноша своей предполагаемой невесте: «Мадам, в вас слишком много тела!». Откуда вообще взялось это слово – Привоз? Все очень просто. Главные одесские дореволюционные базары – Старый, Новый и Греческий – были капитальными, с каменными павильонами и лавками. А Привоз долгие годы представлял собой просто площадь, на которой торговали прямо с колес, то есть с возов, телег, немецких фур. Постепенно он стал настолько популярным, что начал обустроиваться, здесь даже появился истинный памятник архитектуры, Фруктовый пассаж. Открытый же, темпераментный и даже импульсивный характер Привоза остается прежним.

СТЕНДАП. (Подходит к Привозу со стороны арки с надписью «Привоз». Потом ныряет в молочно-колбасный корпус.) В Одессе не ходят на рынок, а «делают базар». «Делая базар» на Привозе, можно весьма сытно, весело и питательно позавтракать. Это, как говорят в Одессе, излюбленная воскресная аттракция – не просто попробовать разных вкусовностей и прикупить чего-то к столу, но и пообщаться, послушать, кто, что и – главное – как говорит. Что ж, попробуем и мы приобщиться! (Заходит в молочно-колбасный корпус, потом в рыбные ряды.)

ЗАКАДР. (Мелькают таблички с названиями улиц: Болгарская, Французский бульвар, Греческая, Малая Арнаутская, Еврейская, Мясоедовская, Пушкинская... Камера заглядывает во дворы. Затем Потемкинская лестница из «Броненосца...», но другой эпизод, не тот, что в Первой серии.) Возникновение названия «Привоз» типично для Одессы. Точно так же появились и названия улиц: Итальянская, ныне Пушкинская, – там жили итальянцы, Малая и Большая Арнаутские – там жили арнауты, то есть албанцы,

Греческая площадь, Еврейская улица, где по иронии судьбы сейчас в СБУ живут местные чекисты, Малороссийская улица, Немецкая улица; на Пушкинской жил Пушкин, на улице Гоголя – Гоголь, а на Мясоедовской – купец Мясоедов... Из топонимических курьезов: была в советской Одессе улица Зоопарковая, на которой собирались построить зверинец, да так и не сподобились. А еще был переулок с экзотическим наименованием Академический тупик – там, понятное дело, находились дачи передовых вузовских и академических работников... Свободный город – как есть, так и называют! После «Броненосца «Потемкина» Эйзенштейна и хрестоматийной сцены расстрела горожан на портовой лестнице, которая называлась Гигантской, ее стали именовать Потемкинской. На самом деле никакого расстрела и в помине не было, но что значит великая сила искусства! Правда, ни Роза Люксембург, ни Клара Цеткин, ни их друг Карл Либкнехт, ни Август Бебель, ни тем более их общий идейный вдохновитель Карл Маркс в Одессе не бывали. Оно и понятно. Идеи их прививались здесь с большим скрипом и, в общем, прошли как-то по касательной, пожалуй, благодаря тому, что одесситы смотрят на все через призму оздоравливающей иронии и ничего не воспринимают «один к одному». Зато в названиях одесских улиц отразился непомерный интерес во все времена любознательных горожан к этим людям совершенно иной породы – немецким социалистам.

СТЕНДАП. (Идя по Екатерининской по направлению к Греческой; затем подходит к «Двум Карлам», спускается в подвальчик.)

Вот здесь, на углу Екатерининской и Греческой улиц, которые в связи с известными обстоятельствами были некогда переименованы в улицы Карла Маркса и Карла Либкнехта, находится старинный винный подвальчик, который возник здесь уже в 1796 году, через два года после основания города. Во второй половине XIX столетия местная алкоголическая общественность дала ему название «Два Карла», что вполне естественно. И вполне естественно, что сейчас это название стало официальным. (Спускается в подвальчик, наливает себе вина из бутылки пушкинских времен в такой же стакан; сидя за столиком, разглядывает рубиновое вино в старинном стакане.) В Одессе всегда любили не только вкусно поесть, но и выпить хорошего молодого вина. В этой,

как здесь говорят, винарке, до сих пор подают те же бессарабские и шабские вина, что и во времена Ришелье и Ланжерона.

Но мы, ребята без печали,
Среди заботливых купцов,
Мы только устриц ожидали
От цареградских берегов.
Что устрицы? пришли! О радость!
Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызнутых лимоном.
Шум, споры – легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном...

ОЛЕГ ГУБАРЬ. СНХР. (О географии и характере одесских винарок, о Большом и Малом круге. Синхрон можно перекрыть снятым лайвом из винарки.)

СТЕНДАП. (Прогуливаясь по Дерибасовской; затем усаживается на открытой террасе кафе «Воронцов» и поглощает принесенное мороженое в вазочке.) Отведав ароматных одесских вин, вальяжная фигура выходила на Дерибасовскую и начинала прогуливаться. «По Дерибасовской гуляют постепенно», как сказал Жванецкий. Еще бы. Надо же и себя показать, и на людей посмотреть. Вы устраивались на скамейке в Городском саду, который раньше звался Дерибасовским, и миловидная итальянка подавала вам мороженое в граненом стакане. А мимо фланировала пестрая и нарядная толпа. Воистину, «Одесса – жемчужина у моря». Да-а-а, таких девушек, как в Одессе, больше нет нигде, если, конечно, они не командируются в ближнее и дальнее зарубежье. (Камера вместе с Ведущим следит за прогуливающимися девицами.) Сто лет назад здесь все было строго регламентировано. По четной стороне Дерибасовской дефилировали «погибшие, но милые создания», а по почетной нечетной – иные прочие создания, которых караулили прилипчивые светские «саврасы». И вот как-то раз одна милая особа заявила своей подруге: «Знаешь,

а нравы у нас все же меняются к лучшему. Лет двадцать назад мне там просто проходу не было. А теперь можно спокойно бродить по улице – никто не пристает!...».

ЗАКАДР. (Старые фото с амурчиками, купидончиками, розовыми альковными рюшами; кадры из черно-белого кино с обителью «ночных бабочек».)

Барышням-комильфо в одиночку по Дерibasовской бродить воспрещалось категорически. Когда некая сердобольная маменька принялась убеждать в этом свою дочь, та объяснила ей, что добродетель, конечно, *ценят*, но *оплачивают* все-таки пороки. «Оплаченный порок» цвел в Одессе, как и во всяком портовом городе, пышным цветом. Но даже здесь сказался типично одесский небанальный подход к любому вопросу.

В доме терпимости на Дегтярной улице на стене висела «карта поцелуев». Поцелуи здесь подразделялись на 15 категорий: 1) пристойные, или скромные; 2) диагностические; 3) политические; 4) антиалкоголические; 5) подневольные; 6) покаянные; 7) туфельно-ботиночные, или подкаблучные; 8) санкционированные; 9) оплаченные; 10) благочестивые; 11) академические, или корпоративные; 12) иудины; 13) терапевтические; 14) этикетные; 15) экспериментальные. Последние, как было отмечено в сем документе, отпускаются безвозмездно.

(Пушка выстреливает стулом под № 10.)

ЗАКАДР. (Кадры из фильма «Опасные гастроли»: Высоцкий поет об открытии в Одессе театра-варьете, а подтанцовка выплясывает канкан; литографии арфянок, цитра из Литмузея; кадры из фильма «В джазе только девушки»; кадры с летними театрами, оркестрами; фейерверки над морем в Аркадии.)

Слава Одессы как свободного города с легким характером была настолько велика, что уже во второй половине XIX века в городских ресторациях, пивных, трактирах появились небольшие женские оркестры. Так что фильм «В джазе только девушки» можно считать очередным заимствованием из одесского быта. Оркестры эти состояли из так называемых арфянок. То были, в основном, немки, которые приезжали в Одессу, как теперь говорят, «на заработки». Вы, конечно же, не думаете, что музыкантши таскали по подвалам арфы. Арфами в данном случае служили тирольские

цитры. Одна цитра вышла даже из мастерской Страдивари. Кстати, в Одессе когда-то утверждали, что из 600 скрипок Страдивари 800 было продано именно здесь. Арфянки идеально вписались в облик музыкальной Одессы. Здесь даже народные гулянья сопровождались, как правило, классической музыкой, а в качестве приправы – венскими вальсами да тирольскими песнями.

СТЕНДАП. (Идя к «Гамбринусу» от Греческой площади.)

Летом, когда в Одессе начиналась нестерпимая жара, горожане перемещались на дачи. В знаменитых дачных местах – в Аркадии, на Ланжероне, на Большом Фонтане, на знаменитых одесских лиманах – по вечерам над темными садами рассыпались огни фейерверков, которые и сейчас очень любят одесситы, уютно светились летние театры, отовсюду раздавались звуки оркестров. И считалось абсолютно естественным, что на «кабацкой эстраде», даже в самой занюханной пивной, можно встретить скрипачей и пианистов экстра-класса вроде Александра Певзнера, которого так сочно описал Александр Куприн в рассказе «Гамбринус». Послушать любимца простонародья Сашку-музыканта приходили портовые грузчики и биндюжники, бедные еврейские ремесленники и налетчики с Молдаванки, иностранные матросы и даже творческая интеллигенция. Музыкальная Одесса начала XX века осталась не только в городском фольклоре, но и в ностальгических куплетах Осика Бровера. Вот уже четверть века он выступает в знаменитом «Гамбринусе». Давайте же и мы приобщимся к «уходящей натуре». (Спускается в «Гамбринус», слушает Бровера, пьет пиво, вступает с ним в беседу, а возможно, и поет вместе с ним.)

ЗАКАДР. (Фото музыкантов-клезмеров, Сашки-музыканта (А. Певзнера), рисунок Леонида Пастернака «Еврейские музыканты», затем кадры с Утесовым.)

Большинство одесских фольклорных песен, вроде «На Молдаванке музыка играет» или «На Дерибасовской открылась пивная», родились на основе клезмерских мелодий. В ансамблях клезмеров – еврейских народных музыкантов – обычно не было двух одинаковых инструментов, каждый играл как бы свою сольную партию, свободно импровизируя. Кстати, эту манеру исполнения затем переняли небольшие негритянские оркестры Нью-Орлеана, из которых родился знаменитый американский джаз.

Что тут скажешь, действительно, «Одесса – родина слонов»! Недаром один из «слонов», на которых стоит Одесса, Леонид Утесов, утверждал, что его любимый город – родина джаза, а родоначальники – маленькие клезмерские «капеллы».

Легендой джаз-оркестра Утесова был знаменитый степист, одессит Эмиль Глед. А джаз, как известно, глубоко противоречил интересам мирового пролетариата.

ЭМИЛЬ ГЛЕД. СХР.

ЗАКАДР. (Утесов поет «Ты одессит, Мишка, а это значит...».)

Лейб Вайсбейн, которого потом весь мир узнал как Леонида Утесова, навсегда остался для одесситов их любимым Лёдей. Вообще, одесские уменьшительные имена – это отдельная песня. Если вы услышите мужские имена Нолик, Тосик, Светик, Лёдик, – знайте, их обладатели оттуда, где поют о «гроздьях душистых акации белой».

М.В. МОЛОДЕЦКАЯ, ПЛЕМЯННИЦА Л. УТЕСОВА. СХР.

ЗАКАДР. (Кадры и фотографии с Утесовым, фото его джаз-оркестра; памятник Утесову на Дерибасовской; кадры, где участники джаз-карнавала играют около него, потом на Привозе.)

Леонид Утесов начинал свою карьеру в Одессе в начале 20-х годов XX века. На подмостках небольших театриков и кафешантанов он исполнял сатирические куплеты, одесские фольклорные и стилизованные песенки, например «Ужасно шумно в доме Шнеерсона». Это было задолго до «Веселых ребят» и джаз-оркестра Утесова. Одесситы не забыли своего кумира. Они не только усадили бронзового Утесова на скамейку на Дерибасовской. Вот уже четыре года, как одессит Михаил Фрейдлин проводит в сентябре в Одессе международный джаз-карнавал, куда съезжаются все звезды мирового джаза.

ИГОРЬ КНЕЛЛЕР. СХР. (История про концерт Утесова в Одессе.)

СТЕНДАП. (Около школы Столярского; из окон доносится музыка.) Пойдите на любой одесской улице. Прислушайтесь. Мелодия этого города доносится из окон. Скрипка, альт, фортепиано, кларнет, виолончель... Это одесские дети в принудительном порядке занимаются музыкальной наукой. Самые способные из них учатся здесь, в знаменитой школе Столярского. Бывший клезмер из местечка неподалеку от Одессы, профессор Пейсах Столяр-

ский, создал уникальный метод обучения музыкально одаренных детей и основал школу, которую называл «школа имени мене». «Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает; но и любовь мелодия», – написал Пушкин в альбом пианистке Марии Шимановской, и строки эти вошли в текст «Каменного гостя».

ЗАКАДР. (Портреты Ойстраха, Гилельса, Неждановой; кирха в плане; портреты Рихтера в молодости, его письма.) Отсюда вышли мировые знаменитости Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Буся Гольдштейн. В Одессу из предместья приехала учиться Антонина Нежданова, здесь она окончила консерваторию, которая теперь носит ее имя. В Одессе провел юность Святослав Рихтер. Его отец был органистом в легендарной одесской кирхе, и в первые же дни войны его расстреляли, совершенно безосновательно обвинив в шпионаже. К этому моменту Святослав Рихтер учился в Москве. Потрясение было настолько велико, что он уже никогда не смог вернуться в Одессу. Хотя музицирование в четыре руки и игры в шарady всегда помнили те, кто в годы одесской молодости называл его Светиком. Помнил об этом и Рихтер. И всю жизнь переписывался со своей первой юношеской любовью, одесской пианисткой Натальей Вербицкой. Ее дочь Татьяна Вербицкая хранит эти письма в старинной фамильной шкатулке.

ТАТЬЯНА ВЕРБИЦКАЯ. СНХР.

(Пушка выстреливает стулом № 11.)

СТЕНДАП. (В Пале-Рояле; затем спускается по лесенке на Екатерининскую улицу.)

В начале XX века Одесса переживала очередной расцвет. Здесь, в Пале-Рояле, располагались дорогие магазины и торговые ряды, куда обязательно заглядывали не только одесситы, но и приплывающие и приезжающие гости. Это сейчас изрядно затянувшаяся реставрация здесь граничит с разрухой, а раньше жизнь в Пале-Рояле кипела. Сходство с французской столицей придавали и знаменитые одесские кафе – нарядные, с легкими изящными верандами. На тенистых улицах под акациями и платанами, которые одесситы именуют «бесстыдницами», были расставлены маленькие «парижские» столики, за которыми пили кофе и чай, поглощали в невероятных количествах вкуснейшие пирожные. В кафе Робинà была, ко всему, и специальная комната для игры

в шахматы, в кафе немца Либмана – изолированный бильярдный зал, в кафе итальянца Замбрини обедались, в прямом смысле слова, до посинения, знаменитым одесским мороженым. (Вынимает из кармана салфетку из кафе Замбрини и зачитывает текст.)

АЛЕНА ЯВОРСКАЯ. СНХР. (О труппе Художественного театра в Одессе и Чехове, который «проел состояние» в кафе Замбрини. Несколькo «анекдотов» из одесской художественной жизни тех лет.)

СТЕНДАП. (Как бы продолжение предыдущего стендапа. Ведущий подходит к кафе «Фанкони».)

Кафе швейцарца Фанкони постепенно стало чем-то вроде клуба, где собирались приезжие и местные литераторы, актеры, художники, спортсмены. Об этом кафе даже в песне поется: «Тут подошел маркер известный Моня, о чей хребет сломали кий в кафе Фанкони». Здесь, на открытой веранде, можно было увидеть Александра Куприна, Ивана Бунина, Николая Гумилева, молодого Исаака Бабеля, знаменитого борца Поддубного, авиатора и спортсмена Уточкина, приехавших для выступлений в Одессе Владимира Маяковского и «отца русского футуризма» Давида Бурлюка. А на весь этот пейзаж вкуже с натюрмортом взирал из окна родительского дома на углу Дерибасовской и Екатерининской молодой Василий Кандинский.

ВИТАЛИЙ АБРАМОВ. СНХР. (О семье Кандинских в Одессе и о Василии Кандинском; работы Кандинского из Одесского художественного музея и мемориальная доска Кандинского на доме.)

СТЕНДАП. (На Малой Арнаутской. Идет так, что видно название улицы и дом с мемориальной доской Ильфу.)

Если верить хорошо осведомленному Остапу Бендеру, то весь импортный товар сделан в Одессе на Малой Арнаутской. Великий комбинатор был, как всегда, прав. И это можно документально засвидетельствовать. Как оказалось, кинематограф был изобретен именно здесь, механиком Одесского университета Иосифом Тимченко. В 1893 году он создал прибор, который позволял проецировать на экран «стробоскопические иллюзии прерывистого движения». А в год столетия Одессы, в 1894 году, то есть за год до братьев Люмьер, Тимченко опубликовал свое открытие. Но то ли одесским коммерсантам изменило чутье, то ли Тимченко не умел делать то, что теперь именуется словом «промоушен», но финансовой поддержки он не получил.

ЗАКАДР. (Кадры немого кино; старая хроника; кадры с Верой Холодной.) Зато Одесса получила щелчок по своему задранному носу: первый фильм в Одессе показывал в 1896 году представитель братьев Люмьер – в Александровском парке, который теперь называется парком Шевченко, в специальном деревянном павильоне. Потом в Одессе возникли стационарные кинотеатры и несколько собственных киностудий. Уже после установления советской власти они были преобразованы в Одесскую киностудию, которую прославили затем Марлен Хуциев и Петр Тодоровский, Кира Муратова и Станислав Говорухин. Сюда, в Одессу, где до 1920 года советская власть никак не приживалась, стекался поток убегающей от «окаянных дней» интеллигенции. Появились здесь звезды российской эстрады, например Александр Вертинский, и звезды немого кино, которые продолжали сниматься в Одессе, и среди них – королева экрана Вера Холодная. Ходили слухи, что среди ее обожателей были Григорий Котовский и Мишка Япончик. А внезапная смерть актрисы в 1919 году от вирусного гриппа, от испанки, как тогда говорили, породила массу домыслов – утверждали, что ее отравили, что она была связана с большевиками...

АННА МИСЮК. СНХР. (Об Одессе 10-20-х годов XX века.)

СТЕНДАП. (В маленьком самолете типа «аэроплан» в небе над Одессой; одет как авиатор 10-х годов прошлого века – шлем, огромные очки, белый шарф.)

«Было время, когда я летал только от Фанкони к Робинà. Теперь я летаю даже над Хеопсовой пирамидой!» Это слова знаменитого велогонщика Сергея Уточкина, который в свое время съехал по Потемкинской лестнице на велосипеде. После того, как в Одессе ушел в небо аэроплан с первым русским летчиком Михаилом Ефимовым, Уточкин тоже решил стать, как говорили тогда, «пилотом-авиатором». И очень быстро добился того, что его стали именовать «Шаляпиным воздуха». А сам он называл себя «счастливейшим из одесситов». Вообще, популярность авиации, как и любого новшества, была в Одессе чрезвычайно высока. Здесь даже был свой завод аэропланов Анатра, который выпускал 50 машин в месяц. На этом-то заводе и начинал свой творческий путь будущий знаменитый писатель Илья Ильф. Между прочим,

этот Анатра увел у Уточкина жену, что впоследствии и довело «Шляпина воздуха» до «палаты № 6»...

ЗАКАДР. (Кадры из хроники или фильмов об интервенции; кадры погрома из фильма «Гамбринус»; фотографии, кадры со всеми упомянутыми фигурантами-эмигрантами.)

До прихода советской власти в Одессе сменилось несметное количество режимов – и иностранных, и местного значения. Но никто из них не был столь долговечен и назойлив. То, что происходило в городе в 1919 году, Илья Ильф назвал «одесский Техас». В 20-м году уже начался массовый исход. Это не было первой волной эмиграции из Одессы. Эмиграция началась в 1821 году, сразу же после первого еврейского погрома. И потом на протяжении всей своей истории Одесса то приобретала, то отдавала. Был приход, сделался исход.

Одесситы Владимир Жаботинский и Меир Дизенгоф «сделали Израиль». Одесские корни имеют Зигмунд Фрейд, Ситроен и Гамов, знаменитый автор теории горячей Вселенной. Даже Кирк Дуглас и Стивен Спилберг имеют отношение к Одессе. Не говоря уже о Сильвестре Сталлоне и Дэвиде Копперфильде. Но это еще не все. Возможно, что в 20-е годы в одесских аптеках и цирюльнях продавали некий эликсир, созданный по особому рецепту на той же Малой Арнаутской. Ничем иным не объяснить того факта, что в одно время в одном месте возник такой сонм блестящих литературных талантов.

ЕВГЕНИЙ ГОЛУБОВСКИЙ. СНХР. (Об одесской литературной южнорусской школе, об исходе писателей из Одессы, о Бабеле, который говорил друзьям на похоронах Багрицкого: пора возвращаться.)

(Пушка выстреливает стулом под № 12.)

СТЕНДАП. (Идет по Дерибасовской по направлению к бронзовому стулу.)

Жванецкий говорит: «Нет специального одесского юмора, есть юмор, вызывающий смех, и есть шутки, вызывающие улыбку сострадания».

Трудно с этим спорить. Да и не нужно. Лучшие репризы одесского КВНа некогда не были «специальными». Как и Юморина – праздник, придуманный одесскими кавээнщиками. Главное в одесском

«неспециальном» юморе – это естественность. И вышедшая в этом году антология все-таки одесского юмора это подтверждает. Юморина – это такой театрализованный роман «Двенадцать стульев», проявление истинной раблезианской сущности Одессы.

ЗАКАДР. (Кадры с Юморины – шествие, люди, поливающие друг друга и себя краской; презентация «Антологии»; вручение стульев на «Мастере Гамбсе», в том числе и Ведущему, а затем в режиме «быстрой скорости».) Ну где еще 1 апреля бывает выходной день? Где еще весь город выходит на улицу, чтобы нарядиться черт знает во что и облить себя литром серебряной краски, оставшейся от недокрашенной ограды? Вот уже четыре года, как во время Юморины проходит театрализованное действие под названием «Мастер Гамбс». Лицам, наиболее отличившимся на ниве сатиры и юмора, здесь вручают по бронзовому по стулу, коих, естественно, 12 штук. Это такая попытка вытащить золотую нитку из прошлого. Вергинский говорил: «Можно пройти по всей России и не пройти в Одессе. Одессу боятся. Ее откладывают на конец, напоследок, после Парижа и Лондона». Те, кто приезжает в Одессу за бронзовыми стульями, судя по всему, «прошли» и в Париже, и в Лондоне.

СТЕНДАП. (Тантамареска, где изображены Остап Бендер, Киса Воробьянинов и отец Федор. Четвертая фигура – с головой Ведущего. Он выходит из-за тантамарески, подходит к бронзовому стулу и садится на него. На ладони у него маленький стульчик.)

На бриллианты, которые оказались в гостинице гарнитуре мадам Петуховой, был, как известно, построен клуб. Бриллианты, которые мы с вами так старались отыскать, – здесь, вокруг. На них построен этот город. И все, кому повезло здесь оказаться, увозят с собой бриллиантовую одесскую пыль. «Я жил тогда в Одессе пыльной...» Не гарнитуры же увозить с собой, в самом деле!

(Из-за тантамарески выходят Остап Бендер, Киса Воробьянинов и отец Федор. Подходят к Ведущему и становятся рядом, как на старинной фотографии, которая постепенно переходит в литографию.)

Конец второй серии

2004 г.